

Реальность и действительность не совпадают между собой, не тождественны друг другу. Все действительное — разумно, все разумное — действительно. Но все реальное — практично, все практичное — реально.

Путь от мечты и фантазии к реализации лежит через действительность и разум. Чтобы нечто реализовать, нужно не только хотеть этого, но знать, «что это» и «как это делается».

ОТНОШЕНИЕ /	ФАНТАЗИЯ, МЕЧТА, ВЕРА	МЫШЛЕНИЕ	ВОЛЯ, ПРАКТИКА
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ			
ОБЪЕКТ-ЭКЗЕМПЛИФИКАТ	БЕЛАРУСЬ	БЕЛАРУСЬ	БЕЛАРУСЬ
ПРЕДМЕТНОСТЬ	ОБРАЗЫ, ПЕРЕЖИВАНИЯ Родина Мать Зорка Венера Спадчына Пагоня Славные победы доблестного беларуского оружия и т. д.	ПОНЯТИЯ государство нация территория язык культура право хозяйство рынок	ДЕЯТЕЛЬНОСТИ строительство оборона проектирование торговля образование производство политика управление
ПОЗИЦИИ – АВТОРСКИЕ ПРАВА, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬ- НАЯ СОБСТВЕННОСТЬ	ПОЭТЫ ИДЕОЛОГИ	ТЕ, ЧЬЕЙ РАБОТОЙ ЯВЛЯЕТСЯ МЫШЛЕНИЕ (философы, аналитики, политики...)	ПРАКТИКИ
РЕАЛИЗАЦИИ (СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ЭТО?)	ЕСТЬ	НЕТ	НЕТ

Если перевести содержание этой таблички в простые суждения, то это может быть сформулировано так:

Беларусь поют, славят, ругают или превозносят, рисуют или освистывают.
Беларусь не строят, не охраняют, не возделывают, не культивируют.
Почему? Потому, что не думают. Не думают Беларусь.

Грамотные скажут: думать — непереходный глагол, думать Беларусь нельзя, можно думать про Беларусь. Но с этим грамотным суждением нельзя согласиться. Думают про Беларусь многие. Думают о том, как вывезти из страны то, что здесь дешево, и продать это там, где дорого. Думают о том, как спрятать деньги, заработанные в Беларуси, потому что вкладывать их здесь некуда, а хранить опасно. Думают о том, как бы прикинуться несчастным беларусом и «на халяву» съездить за границу, потому что на сэкономленные деньги в Беларуси можно хорошо жить. И много всяких других раздумий бывает про Беларусь. Думают даже о том, как стать президентом страны, которую не мыслят страной, а только частью другой страны. Думают о том, как избавиться от суверенитета и ответственности с ним связанной.

А нужно думать Беларусь, что она есть. Думать, как она есть, как и какой ей быть.

В Беларуси вам без всякой рефлексии любой может сказать: «мы русские, мы советские». Говоря про Москву и Санкт-Петербург, про Сибирь или Поволжье, — без запинки произносят: у нас, наше, мы. В Беларуси везде вас встретят по русскому обычаю «хлебом-солью» — не просто подадут на беларусском рушнике «хлеб-соль», но именно с прибауткой: «по русскому обычаю».

Мы говорим — Беларусь, подразумеваем — Русь, мы говорим — Россия, подразумеваем, что Россия немыслима без Беларуси. В России так уже не говорят. Говорить А еще не значит думать А. Говорим А, а в уме Б.

Язык мой — враг мой. Беларус может говорить на русском, беларусском, польском или английском языке, но, произнося слово «Беларусь» на любом из этих языков, он может думать за этим словом Россию.

Можно говорить «Беларусь», а думать при этом что-то другое: БССР, провинция, жертва суверенитета, Белая Русь и т. д. Такое мышление (если оно мышление) — абстрактно, ошибочно и убого. Если говорить «Беларусь» и думать Беларусь, то тогда глагол «думать» становится переходным. Такое мышление конкретно, интенционально, на его основе можно строить реализации. Творческое мышление оперирует переходными глаголами.

Конфуция спросили: — С чего надо начинать реформы? — С исправления имен, — был ответ.

С чего Беларусь может начать «быть»? С того, что ее начнут думать. С исправления имени. Сначала одного, главного в этой стране имени собственного, потом и остальных имен собственных и нарицательных. Только так можно избавиться от разрушительного двоемыслия.

Джордж Оруэлл описал особый язык — ангсоц. Этот язык обслуживал особый способ мысли — двоемыслие. На уровне лексики двоемыслие достигается простыми перевертышами смыслов: мир — это война, свобода — это рабство и т. д. Но есть и другой, более сложный пласт семантики, где процедура вытравливания истинного значения слов затрагивает не лексику, а то, что

мыслится за словами. Словам не просто приписываются те или иные смыслы, задаются трафареты и траектории употребления слов. Например, слово «свобода» должно быть оторвано в употреблении от значений, которые оно принимает, выступая прилагательным к существительным: дух, личность, совесть, человек. В англосоце можно сказать: свободные башмаки (они не жмут), туалет свободен (не занят), я свободен (у меня есть время) — эти выражения имеют смысл и значения. Но в оруэлловском языке нельзя сказать: свободная пресса, свобода воли, гражданские свободы — эти выражения смысла и значения не имеют или должны пониматься так: пресса, испытывающая недостаток материалов, поэтому остаются свободные (незаполненные) полосы в газетах (абсурд, но зато с допустимым смыслом). Свобода воли — это нечто вроде глупин высоты.

Двоемыслие в оруэлловской Океании вводилось как нечто переходное от мысли к немыслию, которое выдается за мыслие. Когда немыслие достигнуто, о двоемыслии забывают. Когда вырастет поколение, которое будет употреблять прилагательное «свободный» только к башмакам и туалетам, оно без юмора и сомнения будет принимать за истинную реальность такие ситуации:

— Скажите, я имею право..? — Имеете. — Значит, я могу..? — Не можете.

При этом допускать полного немыслия нельзя — прекратится всякая практическая деятельность. Мышление — опасно, вся глупость и неспособность властей становится видна, немыслие — опасно, наступает коллапс жизни и деятельности. Двоемыслие — уютно, спокойно, *памяркоўна*. Совсем как в Беларуси.

- Мы свободны и суверенны? — Да.
- Почему у нас такая нищета и бардак в стране?
- Россия виновата.
- Как будем решать наши проблемы?
- Объединяться с Россией.

Думать Беларусь значит за употребляемым в речи именем иметь понятие экзemplифицированного суверенного самодостаточного объекта. Беларусь есть нечто, отличное от других. Тютчев и ему подобные не могут умом понять Россию потому, что постоянно пытаются мыслить ее как Францию, Германию или Третий Рим. Получается чепуха, Россия не Рим, ни третий, ни первый. Вместо того чтобы мыслить Россию как Россию (чтобы просто мыслить), они говорят: «умом Россию не понять». Так им и надо. Россия навсегда останется в Азии, будет восточной страной, т. е. страной без мышления. Страна без мышления — это очень просто: функция мышления (мышление только постольку мышление, поскольку всегда современно, т. е. своевременно и уместно) отдается узкому слою людей, называемых интеллигентами, и отчуждается от всех остальных людей.

Интеллигенты поэтому всегда иностранцы в России, диссиденты и изгои, неуместные и несвоевременные герои ненашего времени, или «лишние люди».

В Беларуси ситуация гораздо хуже. Русские интеллигенты — иностранцы в России, белорусские интеллигенты — русские. Как выражался Лесков: иностранец, он и у себя на родине — иностранец. Белорусские интеллигенты — иностранцы в квадрате.

В европейской стране каждый гражданин думает свою страну, там нет интеллигенции в российском понимании.

Есть такая мысль: может быть, белорусы впервые за несколько последних веков стали думать Беларусь, поэтому проголосовали «за своего» — за Лукашенко. Они не стали голосовать за коллаборациониста Кебича, за «интеллигентов-иностранцев» Пазыняка и Шушкевича. Белорусы думают как умеют. Не стреляйте в пианиста, он играет как умеет. Кто может думать лучше? Каждый может думать Беларусь как умеет. Но думать нужно вслух. Иначе двоемыслие будет продолжаться и может перейти в полное немыслие.

Принять утверждение о том, что не каждый человек мыслит, очень трудно. Человек разумен — это аксиома. Но разумность человека не означает, что он актуально разумен в каждый момент времени. Человек разумен потенциально. Любой может мыслить и действовать разумно, может, но не каждый так действует. Машину или лошадь нельзя упрекнуть в неразумности, потому что они неразумны вообще. Только человек разумный может быть неразумным или безумным. Безумец может называть черное белым, лошади это в голову не придет, у нее и слов-то таких нет. Разумно называть вещи своими именами: черное черным, белое белым, Беларусь Беларусью, а не Россией, Белой Русью или Северо-Западным краем.

Людвиг Витгенштейн как-то анализировал фразу: «Идет дождь, но я с этим не согласен». Фраза грамматически правильна, но неразумна. Если дождь и в самом деле идет, то мое согласие на это не требуется и с моим несогласием он считаться не будет. Если идет дождь, разумно раскрыть зонт, а не ковыряться с собственным согласием или несогласием.

Некоторые белорусы утверждают: «Советский Союз распался, но я с этим не согласен».

Я понимаю, что распад Советского Союза не дождь. Этот факт зависит от согласия или несогласия людей. Я хорошо понимаю тех, кто говорит, что распад СССР был неправильным действием, поэтому СССР или его аналог нужно восстановить. Не являясь сторонником восстановления СССР, я допускаю существование своих оппонентов и готов с ними спорить, выслушивать и анализировать аргументы «за» и «против». Но факт распада должен быть принят, иначе дискуссия невозможна. А что делать с теми, кто не признает этого факта? Мне пришлось разговаривать с интеллигентом, который живет в Советском Союзе в 1994 году. Он не признает реальным существование Республики Беларусь, для него это мираж, фантом. Я могу разговаривать с гражданином другой страны, я могу

разговаривать с человеком, который считает, что моя страна должна прекратить свое существование. Но как говорить с человеком, который считает мою страну плодом моей фантазии, когда я вижу, что это его страна является вымыслом? Как разговаривать с людьми, для которых СНГ — это новое название СССР?

СНГ существует как договор нескольких государств, как НАТО, Варшавский договор или СЭВ. Высшим органом, принимающим решение, в любой стране являются ее законодательные и исполнительные государственные структуры, а межгосударственные договоры выступают только условиями принятия этих решений. Но не в Беларуси, здесь многие государственные структуры пользуются документами СНГ как руководством для себя. СНГ рассматривается как большое аморфное государство, Беларусь мыслится в нем как «союзная республика» с чуть большими полномочиями, чем БССР в составе СССР.

Давайте называть вещи своими именами. Правительство, ориентированное в принятиях своих решений на СНГ — марионеточное правительство, преступное по отношению к своему народу (или нахлебник по отношению к русскому народу). Такое правительство не мыслит Беларусь как Беларусь — значит, не мыслит как правительство, значит, не мыслит вообще. Правительство Кебича было именно таким, немыслящим. Но кто мыслит в стране, которая три года терпит такое правительство? Кто будет гарантом того, что такого не произойдет с новым правительством?

Кто мыслит в этой стране?

Нам популярно объясняли, что развал белорусского хозяйства связан с тем, что распад СССР лишил Беларусь ресурсов. Это суждение — результат полнейшего немыслия. Беларусь лишена нефти и газа, но их у нее никогда не было. Нефть и газ поступают в Беларусь в обмен на продукты, производимые здесь за счет своих собственных ресурсов. Собственные ресурсы Беларуси (земля, интеллект, географическое положение, труд людей) используются плохо или разбазариваются.

Парефразируя Кота Матроскина, можно сказать: ресурсы у нас есть, у нас ума нету.

Я что-то не припомню, чтобы австрийцы, венгры, чехи стонали в двадцатые годы о пропаже ресурсов Силезии, Боснии, Трансильвании и потере выходов к морю. Они стали использовать свои ресурсы. Они перестали мыслить Австро-Венгерскую империю, а стали думать Австрию, Венгрию и Чехословакию, и у всех нашлись свои ресурсы. Больше ума — больше ресурсов. Арабская нефть — ресурс Западной Европы, сибирские металлы — ресурс Эстонии, белорусские высокие технологии — ресурс российского ВПК, интеллектуалы, подготовленные в вузах и школах Беларуси, — ресурс Израиля и США. Ресурсы Беларуси достанутся тому, кто будет думать Беларусь в Тель-Авиве, Вашингоне, Москве или в Минске.

Если бы Беларуси не существовало, ее следовало бы выдумать. Выдумать — глагол совершенного вида. Для того, чтобы выдумать, — нужно думать,

думать то, что намерен выдумать. Только так Беларусь может начать «быть», т. е. станет существительным, а не прилагательным к некой территории. Для этого нужно, чтобы все предложения, исходящие из Беларуси, имели Беларусь подлежащим, а не дополнением или обстоятельством места, главным, а не второстепенным членом предложения.

Неокантианец Лотце сформулировал своеобразный итог европейской мысли XIX века: то, что должно быть, является основанием того, что есть. Тот, кто думает и делает Беларусь, должен основываться не на преданиях Великого княжества Литовского, статистике 1913 года или мифах про Машерова, а на том, чем Беларусь должна быть. Поскольку представления о том, чем должна быть Беларусь, разные (суверенное и процветающее государство или сиротствующая, обделенная ресурсами провинция империи), то реализуется представление тех, кто будет думать Беларусь правильнее, реалистичнее и действительнее. Т. е. в конкуренции за определение будущего Беларуси выиграет не тот, кто громче и мелодичнее ее поет, кто говорит на более чистом языке, а тот, кто умнее, кто больше и лучше думает.

РОДНОЙ ЯЗЫК? — СОВЕТСКИЙ

Украинский канадец — советскому украинцу: — *Я маю кару, хату, вайф и севен чилдренят. А що маешь ты?*

Этот текст написан на русском языке. С младенчества я учился говорить на русском языке. В белорусской общине сибирского города, где я провел первые годы жизни, сохранялись семейные связи, желание вернуться на Родину из ссылки и фонетические особенности (акцент) диалектов белорусского языка тех местностей, откуда прибыли ссыльные. Сам язык, его лексика за десять лет пребывания в ссылке исчезли, растворились в гулаговском «вавилоне». Когда семья вернулась в Беларусь, школа «любезно» освободила меня от «обременительных» для мигранта уроков белорусского языка, требуя посещения только уроков белорусской литературы, которую можно было читать в переводе. Понятно, что десятилетний школяр может только приветствовать такой порядок, прогуливать урок, когда все одноклассники пишут свои диктанты. В Гродно в 60—70-е годы уже не было ни белорусских школ, ни театра, ни газет. Бытовой язык гродненцев тоже был отнюдь не белорусским. Потом армия и университет в Ленинграде.

Случай, возможно, не типичный, но у большинства белорусов найдутся свои индивидуальные причины незнания родного языка, а кроме того, множество обоснований, почему они его не хотят и не будут учить.

Восстановление языка дело очень сомнительное. В истории много примеров неудач на этом пути (например попытка реанимации провансальского языка в XIX веке). Языки возникают, живут и умирают. Иногда

цикл жизни языка не зависит от жизни народа-носителя. Латынь, санскрит и церковно-славянский употребляются, хотя народы, для которых они были родными разговорными языками, давно прекратили свое существование. Иногда народы меняют свой язык, переходят на чужой или создают новый. Очень редко удается реанимировать язык. Иврит — это хрестоматийный пример, с оговорками можно вспомнить историю чешского языка. Судьба белорусского языка еще не понятна, мало того, непонятен современный статус его. Латынь и древнегреческий принято называть мертвыми языками не просто потому, что народы-носители вымерли (греки, хоть и не ионийские эллины, живы до сих пор), а потому, что очень ограничена сфера их употребления. Средневековая латынь (вульгата) была живым языком, на ней писали книги, читали лекции, вели делопроизводство и пользовались в быту во всех монастырях Европы. Если язык существует только как книжный, его относят к категории бесписьменных (языки вепсов, ливов, ирокезов, цыган и т. д.). А как быть с языком, который для одной категории людей (беларусские писатели, журналисты, учителя) книжный, а в быту они говорят на другом, для другой категории (сельское население) бытовой, а ведение делопроизводства и чтение книг происходит на другом? А может, это вообще разные языки? Может быть, языки беларусских крестьян и писателей считаются одним языком только по недоразумению? Я не знаю.

Когда славянофилы Аксаков или Хомяков наряжались в «русский национальный костюм» и выходили на московские улицы, русские мужики говорили: «Персиянин пошел».

Беларусские суды не могут вести судопроизводство на беларусском языке. Мало перевести документы и кодексы на беларусский язык. Каждое слово адвоката, нотариуса, судьи и прокурора должно быть выверено, соотнесено с длительной практикой, подкреплено прецедентами (это справедливо не только для англосаксонского судопроизводства). Слишком много значит слово в правовых отношениях, переход на другой язык требует кардинальной правовой реформы, составлением разговорника здесь не обойтись.

Как передать на беларусском языке различие терминов: мышление, рассудок, разум или мысль, мнение, суждение, умозаключение. Я могу попытаться подобрать слова и приблизительно передать смысл, но это не терминологическое употребление слов. Так можно популяризировать философию, но не философствовать. Аналогичные трудности в любой дисциплинарной сфере знания.

Связь философии (мышления как такового) с языком очевидна. Различия немецкого, английского, французского или русского философствования во многом определяются строением базовых языков и построенных на их основе терминологических языков. Многие понятия при вживлении в иную философскую систему либо искажаются, либо требуют терминологи-

ческого заимствования. При этом все равно происходит либо обогащение понятия новыми нюансами и смыслами, либо редукция их. Термин можно заимствовать, но что делать с деривацией, управлением глаголов и другими синтаксическими особенностями, искажающими семантику и прагматику слов?

Как перевести на русский *мець рацыю*?

Иметь резон? Прямая калька, но по-другому употребляется.

Иметь смысл? Нет, имеет смысл суждение, а мае рацыю человек.

Быть правым? Возможно, но «быть» и «иметь» — тоже разное.

Желающие поупражняться в переводе могут подставить в разделе 9 настоящего текста вместо слова игра — гульня. При этом помнить, что русское слово игра употребляется в этом тексте в трех разных смыслах (как минимум), которые в английском языке соответствуют знакам: game, play и performance.

Сапега создавал белорусский правовой язык. Карсавин создавал литовский философский язык. Ломоносов создавал русский научный язык. Можно набрать еще много таких примеров. Прецеденты создания языков известны, иногда известны имена тех, кто имел к этому некоторое отношение. Но каждый такой случай мифологизирован. Карсавин не создал литовского философского языка, его нет до сих пор. Ломоносов не создал русского научного языка, он был создан усилиями поколений до и после Ломоносова. Может быть, Ломоносов был одним из первых, кто относился к этому делу рефлексивно и действовал целенаправленно. До него русскую «ученую» лексику формировали греки и беларусы, но они поступали либо нерефлексивно, пользуясь в Москве языком, который привезли из Беларуси (например Симеон Полоцкий или Илья Капиевич), либо калькируя иностранные языки. Создание языка — дело человеческое, но сам язык не может быть «рукотворным» (даже эсперанто Зоменгофа не может этого опровергнуть). Язык сам решает, быть ему или не быть, он сам эволюционирует, сам селектирует лексику и смеется над теми, кто заменяет галоши мокроступами. Но это не значит, что люди не могут участвовать в процессе становления языка. Просто это не может быть сведено к реформам грамматики и исполнению закона «О языке».

Нельзя обязать язык быть. Он сам возникает, как только становится нужен. Нужен ли белорусский язык? Кому, зачем, в какой ситуации?

Если просто строить оппозицию «русский — белорусский», то понятно (очевидно), что белорусский не выдерживает конкуренции ни в одной сфере. Если прогнозировать судьбу белорусского языка как альтернативы русскому, то можно предположить, что на 99 % он обречен на вымирание или культивирование в редуцированных формах (в еще более узкой сфере, чем сегодня). Он практически не нужен никому, кроме узкой кучки интеллиген-

ции. Но есть реальная альтернатива, в которой белорусский язык может быть нужен, — это оппозиция «советский — белорусский».

Упомянувшийся выше оруэлловский англоц и до сих пор бытующий советский язык, на котором культивируется двоемыслие, с помощью которого уничтожается мышление и культура, есть орудие тоталитаризма, используемое для того, чтобы сделать необратимыми последствия тоталитаризма. Независимо от того, лексика какого национального языка использовалась, советское двоемыслие транслировалось поколением за поколением выпускников советской школы. Развитие национальных языков хоть как-то позволяло защищаться от экспансии двоемыслия. Чем шире была сфера употребления того или иного национального языка, тем сохраннее был здравый смысл народа и мышление интеллектуалов. Беларусь идеологически самый отсталый регион бывшего СССР именно в силу неразвитости, депривированности и изолированности белорусского языка. Русские отличают свой родной язык от советско-русского, эстонцы и молдаване спасались родным языком от тотального оболванивания советской идеологией, у белорусов защиты не было. Русский язык они приняли как язык культуры, как язык города вместе с советским двоемыслием. Теперь даже национализм в Беларуси заражен двоемыслием.

Реальная перспектива белорусизации состоит в отказе от советского языка (отравленного языка, по выражению Хайека) и связанного с ним двоемыслия, переходе на нормальный человеческий язык. Это и будет новобелорусский язык. Наверное, он будет отличен от языка Скарыны и Сапеги, а также Купалы и Багдановича. Утвердившись в Беларуси, он будет развиваться по своим законам, законы людей и государства ему не указ. Но люди могут помочь своему языку. Не нужно бояться тенденций развития языка, заимствований и калькирования. Может быть, этот язык будет очень похож на современный русский, может измениться даже фонетический строй его, но это будет настоящий реальный белорусский язык, а не реликт из этнографического заповедника. Чем меньше будет пуризма и ригоризма в языковой политике, тем легче пойдет процесс становления нового языка. Все равно пользоваться реликтовым языком в новых условиях не получится. Развитие знания, диверсификация профессиональных норм, мода в массовой культуре — все это опережает развитие и становление языка. Поэтому ситуация отказа от латыни и формирование национальных языков «осенью средневековья», когда возник первый белорусский язык из древнерусского, больше не повторится. Тогда соотношение названных скоростей было обратным. Неповторима даже ситуация формирования национальных языков в XIX веке.

Кто не успел, тот опоздал. Белорусы не успели в прошлом веке, поэтому придется делать это в XX, в новой ситуации постмодернизма и широкого распространения массовой культуры, комиксов, сленгов, трасянок разных видов. Как это делать в XX веке, никто не знает. Возможно, белорусский язык будет первым и последним, становление которого началось в XX веке.

Если успеем.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Можно ли считать результатом деятельности то, чего не было в ней в качестве цели? Ведь цель — это результат, вынесенный в начало процесса деятельности, а результат — это реализованная цель с допустимыми отклонениями. Если то, что получилось в некотором процессе, не совпадает с исходным замыслом, с целью, то это, скорее, результат случайных процессов, протекающих одновременно с деятельностью, но ею не являющихся. Ведь не считает же актер гром, раздавшийся во время его выступления, результатом своего искусства. Магическая установка *post hoc ergo propter hoc* всегда считалась ошибкой умозаключения.

Сделать хотел утюг — слон получился вдруг... с розовой полосой. Утюг делался, но не сделался. Слон не делался, но получился.

Незачем считать неумелое деланье утюгов причиной появления слонов. Поиски злого умысла в качестве причины событий, которые кому-то не нравятся, — любимое занятие рассудочных «теоретиков». Злой или добрый умысел — индугенции гордыни интеллекта, который не контролирует событий и процессов, но не может в этом признаться.

Задаваться вопросом: «кто виноват?» — проще, спокойнее, чем разбираться с устройством мышления, рассудка и мира вообще.

Горбачев, затеяв перестройку, не имел целью суверенную Беларусь. Бразаускас, Ельцин и другие, форсировавшие объявление независимостей своих стран, меньше всего думали про Беларусь. Пазыняк, БНФ, ЦРУ, сионские мудрецы и прочие так же мало виноваты в независимости Беларуси, как и Кебич, подписавший «за компанию» соглашение в Вискулях. Как же разобратся с тем, что привело к суверенитету страны, существование которой не было целью людей, чьи действия можно анализировать? Ведь если этого не сделать, то есть только три варианта:

— любой мечтатель может приписать себе суверенитет Беларуси как результат своих усилий, во что верится с трудом;

— это чистая случайность (этакий суверенитет «с розовой полосой» на белом полотнище);

— на это была Божья воля.

Кому-то может быть достаточно любого из этих объяснений, но мышление не может быть ими удовлетворено. Хотя третий вариант автору вполне симпатичен, ведь познание замысла Бога всегда было задачей, достойной напряжения разума.

Когда шахматисты начинают партию, целью каждого является выигрыш: либо мат, либо добровольное признание поражения противником. Но игра может закончиться патом. Пат не является целью в начале игры, но может быть ее результатом, может быть наименьшим злом для слабого шахматиста и тем самым доставить ему радость. Игра не деятельность, она отличается от деятельности тем, что невозможно предсказать ее результат (я сейчас не принимаю в расчет вырожденные случаи игры с договорным ре-

зультатом, а имею в виду игру по понятию). Если отличие игры и деятельности обозначить точнее, то можно сказать, что мышление рассматривает деятельность как то, что имеет только два исхода: достижение цели (или совпадение цели и результата) и недостижение (т. е. ошибка), а как игру мышление рассматривает все те проявления человеческой активности, которые имеют больше чем два исхода, в которых число исходов-результатов может быть счетным и конечным, но вероятность их меняется во времени, в процессе проявления активности. Исход игры лучше рассматривать не как результат, а как выигрыш или проигрыш.

Приведенное выше различие игры и деятельности, при всей его простоте, заставляет располагать игру и деятельность в различных действительностях мышления. Будучи интеллигибельным объектом, игра, как и деятельность, требует кроме объективных измерений, достаточных для деятельности как таковой, еще и антропологического субъективного измерения или отношения. Только для игры, и ни для чего иного, справедлив тезис Протагора: «Человек есть мера всех вещей, существующих в том, что они существуют, и несуществующих в том, что они не существуют». Пат в шахматах или ничья в футболе могут быть описаны в объективированных формах, но, кроме того, они могут праздноваться одними как удача и победа, другими переживаться как поражение. Деятельностное и игровое описание одного и того же феномена не заменяют и не отменяют друг друга, но неполны и недостаточны друг без друга в мире человеческого бытия и антропологического отношения.

Республика Беларусь объектно и предметно описывается так же, в тех же схемах и понятиях, что и Республика Польша или Литовская Республика, но мы ничего не поймем про реальное бытие Беларуси, если не будем учитывать, что Литовская Республика — это победа, удача, достижение, выигрыш литовцев, а Республика Беларусь — несчастье, нежеланный исход, проигрыш в сознании многих беларусов.

С тем, что желанно, и с тем, что в тягость, люди обходятся совершенно по-разному.

Описание объектов в антропологической или игровой действительности меняет смысл и значение многих аспектов и вопросов, которые могут быть приписаны или заданы по отношению к объекту. Скажем, вопрос «кто виноват?» теряет смысл применительно к игре, поскольку ответственность за исход игры распределена между всеми участниками. Странно было бы, если бы противник не использовал ошибки, просчеты и недостаточное знание правил со стороны партнера. Субъективный фактор (знания, умения, техника, способности) становится определяющим в описании фактов, событий и процесса игры. Объекты деятельности и игры отличаются от природных объектов своей «злонамеренностью», или просто намеренностью — интенциональностью. Бог и природа изощрены, но незлонамеренны. Природные объекты задаются и

описываются в естественных науках как независимые от наблюдения и свойств наблюдателя. Объективность в естествознании — это такое описание объекта, которое исключает субъективное отношение человека (как деятеля, так и наблюдателя). Объективность в гуманитарной сфере при описании игры и деятельности требует включения субъективного отношения в картину или схему объекта, хотя и по-разному. При описании объекта деятельности мы полагаем человека формальным понятием, схемой места или элементом в деятельности, которые характеризуются одними и теми же свойствами и атрибутами независимо от конкретного наполнения. Место человека в деятельности задается позицией и нормами деятельности, которые фиксируются в объективированных формах как действительные для любого индивидуального деятеля. Сама индивидуальность как экземпляр выносится за скобки, она не описывается и не схематизируется. О ней вопрошается в рамках самоопределения, но при этом предполагается, что ответ на вопрос о самоопределении может и должен быть дан в объективированной форме как культурное самоопределение. Культурное самоопределение означает, что любые проявления субъективности допустимы в заранее заданных предписанных формах. Каждая деятельностная позиция, известная в культуре, характеризуется известным набором целей, знаний, подлежащих субъективации средств деятельности. При исследовательском отношении к деятельности постоянно приходится сталкиваться с позициями и деятельностями, закрепленными в культуре, но не описанными. Их описание получается через «разбор полетов», т. е. деятель получает возможность действовать в известной ситуации, а потом вместе с исследователем рефлектирует свои действия, предполагая при этом, что он действовал в рамках нормированной деятельности. Такое рефлексивное исследование деятельности строится на том, что рефлексия отделяется от деятельности, противостоит ей и является тем пространством, в котором деятельность объективируется, становится тем, что может транслироваться культурой. В некотором смысле такая объективация деятельности отождествляется с десубъективацией, с отчуждением субъектного от субъекта и предметизацией и нормировкой его в культурных эпистемических формах.

Игра требует иного отношения. Рефлексия вплетена в игровой процесс как обязательный элемент. Через рефлексию в игре происходит не только объективация и опредмечивание деятельности, нормировка ее, но и комплексирование индивидуальных характеристик деятельности и деятеля. Субъективность в игре полностью задействована, более того, она является ее условием. Могут быть вырожденные формы игры, когда ходы в игре и исход ее канонизированы (театр, деловая игра, performance). Назначение и смысл таких игр состоит только в «высвечивании» индивидуальной субъектности, в работе с ней, либо для экспликации ее (как в театре), либо для импликации игрового содержания в ней (дидактический эффект детской или деловой игры состоит в субъективации правил, норм игры или проигрываемого содержания).

Действительность игры разворачивается в пространстве, имеющем по минимуму три измерения: общее для участников игры поле или плацдарм

условий, действий, ходов и возможностей реализации целей, установок и задач; картина игрового поля или плацдарма, имеющаяся в распоряжении у каждого участника; реконструируемая каждым участником игры картина игрового поля или плацдарма, имеющаяся или предполагаемая у противника или партнера. Шахматная игра в вырожденной «окультуренной» форме представлена в учебниках дебютов. Шахматист, разыгрывающий какой-нибудь гамбит и просчитывающий варианты этой стратегии, понимает, что противник может не принять жертву его фигуры и навязать свой вариант игры. Намерений противника он знать не может, поэтому постоянно отслеживает то, что происходит на доске, проецируя то, что на ней происходит, на свою «внутреннюю» доску и пытается понять, что происходит на «внутренней» доске противника.

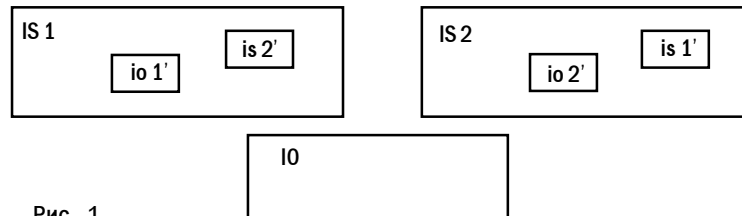

Рис. 1

Где: IO — объективированное игровое поле, io 1 — оно же в картине игрока 1, и io 2 — в картине игрока 2;

IS 1 — картина игры у игрока 1, is 1' — реконструкция ее в картине игрока 2;

IS 2 — картина игры у игрока 2, is 2' — реконструкция ее в картине игрока 1.

Такая схема достаточна для описания игры двух партнеров на игровом поле, которое организовано в знаках и вещах (например шахматы). Детализация схемы таких игр производится через введение уровней рефлексии в картинах каждого из игроков, где, кроме старых элементов, вводятся новые рефлексивные, — тогда, например, картина игры у игрока 1 будет выглядеть как-то так:

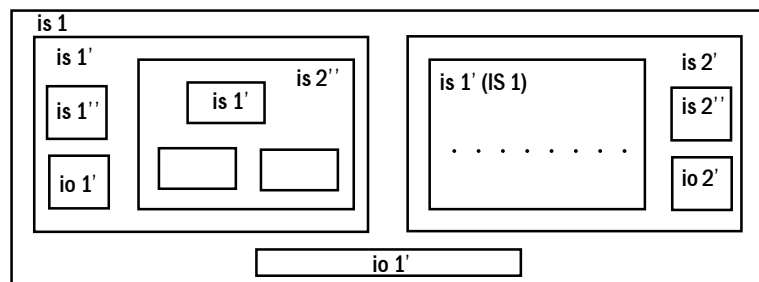

Рис. 2

В таких схемах игровое поле используется для объективации, экспликации и визуализации работы с внутренними картинками игроков. Такое поле игры не имеет собственной жизни, его можно представить как знаковую систему коммуникации между игроками. Все становится сложнее, если в игровое поле вводится другая субъективность или игроки играют собой и с собой (классический пример — полководцы и их армии). В этом случае субъективность приходится вносить в игровое поле, оно начинает жить собственной имманентной жизнью. То, что на нем происходит, уже не определяется только действиями игроков. Игровое поле становится интенциональным, «злонамеренным», персонажи, действующие на поле самостоятельно, «путают карты» игрокам, и игроки вынуждены учитывать и эту субъективность. Даже китайский средневековый теоретик государственного управления Ван Янмин, который анализировал политику абсолютно самодержавного государства Поднебесной империи, рекомендовал императору при проведении реформ спрашивать мнение народа. Правда, тоталитарные режимы постоянно повторяют одну и ту же методологическую ошибку: они пытаются свести антропологическую действительность игры (политику) к деятельности в объективированных формах, редуцировать схемы рефлексивных отношений к предметным преобразованиям.

Сталин и Гитлер (Москва и Берлин) разыграли сложную игру между собой на «поле Европы». Их игра завершилась подписанием протокола — пакта Молотова-Рибентроппа. Чтобы имманентная жизнь Европы не мешала подведению итогов игры, были предприняты соответствующие ходы (натурализация мыслительных редуций):

— в Литве, Латвии и Эстонии поставлены марионеточные правительства (марионеточные — значит лишенные субъективности, возможности проявлять свою индивидуальность. Двадцать лет эти три народа напряженно размышляли и вдруг, с интервалом в один день, летом 1940 года на них «снизошло откровение» и они «добровольно» вошли в состав СССР.);

— на польско-германской границе устроено костюмированное представление;

— в Польше, Западной Беларуси и в Западной Украине запретили компартии, чтобы не было лишних свидетелей с никому не нужной субъективной рефлексией.

Ну, а когда Армия Краева в Варшаве стала «портить игру», начав незапланированное в Москве и Берлине восстание, — Советская Армия остановила свое наступление, дав второму игроку время, чтобы привести все в соответствие со сценарием.

Незачем шахматным фигурам вмешиваться в дела шахматистов.

Аналогичные действия были предприняты в Мюнхене относительно Чехословакии и т. д. Но натурализация мыслительных редуций возможна только при одном «маленьком» условии — при отсутствии людей с их мышлением и субъективной «злонамеренностью». Люди могут не согласиться с правилами игры и, имея «голову на плечах», могут «испортить всю игру».

Именно поэтому любимым девизом вождей тоталитаризма является максима: «Нет человека — нет проблемы». Нет человека — нет меры вещей, существующих и несуществующих. Мечта тоталитарных игроков — страна, населенная не людьми, а винтиками государственной мегамашины. Тогда большой игрок может сказать: «Я знаю нужды и чаяния своего народа».

Для описания игровой действительности и построения игровых стратегий нужна онтология игры. Требования к такой онтологии уже в первом приближении предполагают, что она должна снимать в себе онтологии «незлонамеренных» объектов природы и нормированных культурно-деятельностных объектов. В такой онтологии объекты природы, интенциональные объекты деятельности, знаки и средства деятельности должны охватываться рефлексией, а в организованных последняя происходит комплексирование разных интенциональностей. Описывая уже использовавшиеся нами как пример шахматы, Карпов и Гик прибегают к дополнительному описанию — шахматы как наука, как искусство и как спорт. Применительно к обсуждаемой нами проблеме экземпляров мышления и деятельности, а также реальности и действительности их существования нельзя обойтись выделением типов мыслимости объектов (наука, искусство, спорт или игра), необходимы конструирование действительностей для их последующего комплексирования и прописывание отношений между ними. В рамках данного текста ограничимся только номинацией такой онтологии, как «культурная политика», которая должна задаваться с учетом вышеперечисленных требований и обстоятельств. В самом грубом приближении понятие «культурной политики» должно включать в себя:

Таблица 2

ТИПЫ ОБЪЕКТНОСТИ	ТИПЫ МЫСЛИМОСТИ
Объекты, средства и знаки мышления	Формальные языки, науки и логики
Объекты и материал деятельности	Эмпирические науки
Субъектность и индивидуальность людей, интенциональность	Гуманитарные науки, дескриптивная этика и антропология
Типы, нормы и правила коммуникации	Нормативная этика и право
Нормы и правила конфигурирования и комплексирования объектов данной таблицы	Методология и эпистемология
Самоопределение культурного политика	Рефлексивные техники

Игра — частая тема в философии XX века. Но ни Шестов, ни Гессе, ни Хейзинга не строили онтологию игры. Любимая тема прошлого столетия — борьба, конкуренция — выступала предельной рамкой мышления Мальтуса, Маркса, Спенсера, Дарвина, Ницше и многих других, в XX веке перестала быть предельной и была введена в рамку игры, кооперации, диалога. Хайдеггер, Шпенглер, Бубер, Бахтин и многие другие выходили на эту тему и как-то ее проработали. Даже Эйнштейн рассыпался в комплиментах Жану Пиаже,

заявляя, что тот занимается более сложными вещами, нежели теория относительности, — детской игрой.

Здесь не место строить и критиковать онтологию и теорию игры (сошлемся на работы В. Лефевра и Г. Щедровицкого, разбору и критике их подходов найдем другое место и время). Займемся анализом и разбором конкретной экземплифицированной игры в «Беларусь», обозначив только необходимые операторы и средства анализа и разбора.

Игра только тогда игра (или до тех пор игра), когда в ней сохраняется возможность контакта, встречи с новым, неизведанным, доселе «небывшим». Шахматная партия кончается, когда один из партнеров вынужден повторять одни и те же ходы. Спектакль в театре снимается со сцены, когда исчерпаны возможности самовыражения труппы и режиссера. Игра ума может разворачиваться на материале недоказанной теоремы Ферма, а на материале теоремы Пифагора — только школярская скука. Игра есть удержание двух реальностей в рамках постоянно эволюционирующей действительности, реальности ставшего и реальности становящегося. Ребенок, играя, становится взрослым — сначала «понарошку», а потом в действительности. Каждое поколение детей, играя в игры дедов и далеких предков, присваивает, субъективирует действительность прошлых поколений, транслирует традицию и культуру, а играя в новые игры, создает новый мир, иной и особый, меняет действительность. Если действительность законсервирована, поколения похожи друг на друга, дети лишаются реальности становления, а в мире прекращается развитие.

То, что возникает в игровой реальности как новое и единственное, не является действительным. Для него нет понятий, нет форм трансляции, не обеспечены условия существования. Единственное, возникшее в игровой реальности, может оставаться чудом, место которому в сказках и в игровых фантазиях, если оно не вписывается в рамки действительности, не соответствует реальности ставшего и устоявшегося. Но так происходит только тогда, когда мы не умеем менять рамки, не имеем понятия о рамках конституирования действительности.

«Бросая в воду камешки, смотри на круги, ими образуемые, — говорил Козьма Прутков, — иначе занятие это будет пустою забавою».

В разделе 2 «Философская проблема» мы обсудили то, что является условием осуществления, реализации и «одействительствования» экземплифицированного и явленного в единственном варианте, условием перехода от прецедента, казуса, чуда к культурному бытию в действительности и реальности. Это условие было описано как конфигурирование двух установок — реализма и номинализма, как комплексирование двух интенций — *intentia prima* и *intentia secunda*. Без работы с рамками, без удержания экземплификатов и единичного в организованных рамочных конструкциях игра остается «пустою забавою», не имеет реализационных и культурных последствий. Отсюда вытекает, что первым средством анализа игр является такая мыслительная организованность, как рамки и рамочные конструкции. Умение работать с

рамками предполагает принятие как реалистической, так и номиналистической установок. Только в реалистической установке игра есть пустое занятие. Но, поскольку живая реальность мира не может быть взята в этой установке целиком, реализм должен допускать существование чуда, сверхъестественных, сверхдействительных явлений, перед которыми реалистический разум признает свое полное бессилие. Только в номиналистической установке игра становится «не по-детски» серьезным занятием. Игровая реальность становления стремится стать единственной реальностью, происходит потеря здравого смысла, люди начинают жить в мечтах и фантазиях.

Такое сосуществование двух реальностей в игре, задаваемых двумя разными рамочными конструкциями, приводит к тому, что вещи, идеи и люди перебрасываются из одной рамочной конструкции в другую, их значение и содержание мерцают. В каждый конкретный момент времени существования человека, идеи или вещи необходимо выяснять, реконструировать: в каких рамках они сейчас действительны; где они действительны, а где мнимы; что с ними сейчас, в данной конкретной ситуации, можно и нужно делать.

Все пешки на шахматной доске равны, ходят и стоят одинаково. Но некоторые пешки могут стать ферзями, и то, что они могут ими стать, определяет их реальное участие в игре в большей мере, чем то, что они пешки. То, что должно быть, определяет то, что есть, и, в определенных рамках, реальнее того, что есть.

Те, кто верил в победу Кебича на президентских выборах, были реалистами, поэтому не видели реальности, поэтому поражение Кебича для них было чудом, чем-то нереальным. Те, кто верил в победу Пазыняка, придерживались номиналистической установки, поэтому тоже не видели реальности, поэтому поражение Пазыняка для них было отрезвляющим столкновением с реальностью. Те, кто играл на «мат королю», могут быть разочарованы тем, что «проходной» оказалась «пешка» не на том фланге, где хотелось бы.

Но игра есть игра, «ферзь» стоит на последней горизонтали, поэтому победа еще возможна, партия игры в «Беларусь» еще не закончена.

Вторым после рамок средством анализа является топика игры. В том же разделе «Философская проблема» были названы три главных пространства этой топика: Парадигматика, Синтагматика и Прагматика.

Парадигматика — пространство размещения материально-знаковых компонентов игры, то, что мы выше обозначили как объективированное поле игры (IO), а также субъективированные картины этого поля, имеющиеся в распоряжении игроков (io 1 и io 2) и часто отождествляемые между собой.

Синтагматика — правила игры, игровые стратегии и тактики, языки и логики работы на поле IO, средства построения картин IS 1 и IS 2, способы отождествления или разотождествления IO с io 1 и с io 2.

Прагматика — антропологическое пространство субъектности, рефлексии, самоопределения и манифестации картин IS1 и IS2. В этом про-

странстве происходит самоосознание человеком самого себя как активно-го игрока и участника процессов жизни и деятельности или пешки в играх других.

Во всех трех пространствах топики игры Беларусь конституируется как самостоятельная проблема.

Парадигматика. Что есть Беларусь в действительности? Что такое Беларусь в истории, экономгеографии, международной политике и т. д.? Об этом — большая часть данного текста.

Синтагматика. В каком языке, в какой логике, какими средствами нужно работать с парадигматическими проблемами Беларуси? Об этом идет речь в данном разделе.

Прагматика. Чего хотят беларусы в этой жизни от себя самих и от Беларуси? Кто может ответить на такой вопрос? В это можно только сыграть.

Введя принцип рамок и минимальную топику игры, с учетом всего вышесказанного, можно приступить к анализу игры в «Беларусь».

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА

Культурная политика — это не политика в области культуры. «Культурная политика» не значит «хорошая политика» в противовес плохой, «некультурной политике». Культурная политика — это современная политика, которая вышла за пределы полиса (процессуальным проявлением которого она является по своему концептуальному происхождению и этимологии), выросла из рамок государства и отношений между государствами. Культурная политика — это то, что приходит на смену силовой политике военного, экономического, идеологического диктата и давления. Культурная политика — это то, что приходит на смену исключительно интеллектуальной политике дипломатов, партийных программ и макиавеллиевских государей. Культурная политика — это не социальная политика интересов классов, кланов и мафий в марксистских версиях или гоббсовских и руссоистских вариантах общественного договора.

Культурная политика — это взаимодействие и диалог уникальных и экземплифицированных культур. Это диалог и коммуникация принципиально разнородных субъектов: личностей, государств, культур, социальных и других (конфессиональных, профессиональных, поло-возрастных и прочих) коллективов, которые вступают в отношения друг с другом и взаимодействуют на равных.

Культурная политика не признает приоритета каких бы то ни было прав над любыми другими правами. Права нации не имеют преимущества перед правами человека, а права человека не являются составной частью прав коллектива, с которым человек идентифицируется.

Культурная политика приходит на смену политике в конце XX века вместе с новым номинализмом, сменой рамок и картин мира, с «пере-

оценкой ценностей». Культурная политика есть манифестация современной формации мышления в пространстве деятельностных реализаций, когда государство перестало быть манифестацией гегелевского абсолютного духа. Культурная политика — это игра в мир XXI века. Проигрывание и промысливание настоящего и будущего в действительности вместо строительства «светлого будущего» или пассивного ожидания его.

Непонятно? Мне тоже. Давайте сыграем в это, все, что выиграем, будет наше. В такой игре проигрывает только тот, кто не играет.

«Born to win» — «Рожденные выигрывать» — так называется книга учениц Перлза и Берна о сценариях построения жизни человека. По теориям трансактного анализа и гештальт-терапии, люди, которые строят свою жизнь по образцам предков, по сценариям «давно минувших дней», обречены на неудачи и проигрыши в жизни. Они не адаптированы к постоянно меняющимся условиям реальных ситуаций, вынуждены раз за разом воспроизводить неудачные схемы поведения, а потом возвращаться к началу. Рожденные проигрывать не имеют средств разумной оценки реальности, функцию оценки ситуации и ориентации в мире вместо разума у них выполняют сценарные образцы.

Это про отдельных людей. А можно ли нечто подобное анализировать у групп, коллективов, стран?

Конечно. Есть набор сценариев, которыми пользуются некоторые страны, которые воспроизводятся каждым поколением политиков снова и снова, и страна обрекается на постоянное поражение. Есть регионы, в которых история за цикливается и повторяется по много раз. Регионы — воронки истории, где жизнь людей напоминает белку в колесе. Страны, где десятилетиями одна диктатура сменяет другую, и конца этому не видно. Страны, откуда начинаются войны и прокатываются волной по соседним странам, а после поражения все начинается сначала. Нации и государства могут находить в себе силы и прекращать действие своих трагических сценариев. Если этого не происходит, нации и государства прекращают свое существование.

Самый модный сценарий XX века, обрекший многие нации на жалкое существование, не несущий ничего, кроме бесплодных надежд, зависти к процветающим нациям и комплекса собственной неполноценности, — сценарий модернизации. Суть любой модернизации в национальном масштабе — скопировать у себя в стране уровень и образ жизни той страны, которая избрана в качестве образца для своего времени. Бывшие колонии копируют образцы своих метрополий, европейцы — США, особо изощренные (так называемые «развивающиеся» страны) — Советский Союз.

Программы модернизации (в основе которых лежит идеология модернизма) требуют линейного отношения к историческому времени. Предполагается, что страны можно расположить друг за другом в порядке развитости или прогрессивности. Сделав такое допущение и внедрив его в

массовое сознание, можно нарисовать картинку, в которой все «прогрессивное человечество» дружно шагает гуськом к светлому будущему, а впереди (в авангарде «прогрессивного человечества») «родина слонов» — СССР. Замените СССР на любую другую страну (США, Япония, Германия — вариантов не так много), измените образец прогрессивности и направление модернизации — суть от этого не меняется. Пороки такого подхода хорошо проанализировал Карл Поппер в книге «Нищета историцизма», но, тем не менее, на удочку историцизма или модернизации попались очень многие народы в XX веке. Исключения из этой порочной практики говорят сами за себя: Япония, Финляндия, Израиль — народы, которые никого никогда не догоняли, никогда не строили себя по сценарным образцам, а думали свои страны своим умом, не обращая внимания на то, современно (модерно) ли то, что они культивируют в своей стране.

Модернизм и модернизация — сценарии «рожденных проигрывать», привыкших жить чужим умом, думать вместо своей страны идеализированную «иконку» чужой.

Сколько раз говорилось миру: не сотвори себе кумира. Петр Первый начал модернизацию России, и с тех пор она все время кого-то догоняет. Хрущев обещал догнать и перегнать Америку, не замечая, что есть Япония, Германия и другие, которые, никого не догоняя, налаживают жизнь своих народов, СССР надрывается в гонке, а жизнь людей только ухудшается.

Каждое время, каждая эпоха должны оцениваться по своим критериям. Индустриализация была хороша в начале века, когда весь мир изменился, самая индустриальная страна мира — Англия — оказалась в очень трудном положении и стала проводить структурную перестройку своего хозяйства, а Советский Союз все это время наращивал свою индустриальную мощь. Положение дел в Англии нормализовалось, а СССР обвалился под тяжестью своих грехов, из которых модернизм не последний. Модернизация всегда приводит к отставанию.

Японскому специалисту с гордостью показывали один из флагманов белорусской электронной индустрии и спросили с подвохом:

- Правда ли, что мы отстали от Японии в этой отрасли на двадцать лет?
- Нет, — ответил японец, — это неправда. Вы отстали навсегда.

Модернизация не просто приводит к отставанию. Она приводит к отставанию навсегда. Не хотите отставать — не играйте в догонялки. Играйте в другие игры. В конце концов, даже модернизм выходит из моды, перестает быть современным.

На дворе последние годы XX века, на дворе уже давно постмодернизм. Постмодернизм — это не просто то, что следует сразу после модернизма. Это отказ от идеи модернизма и идеологии модернизации. Постмодернизм — это не то, что современнее современности, модerner модерна. Это

совсем другая игра. В этой игре много странного и непривычного. Главная ее особенность в том, что в ней каждый участник играет «свою игру». В ней нет универсалий и образцов для подражания и копирования, но зато есть уникальности, индивидуальности и экземплификаты.

Игры XX века «воспитали» особую категорию людей — болельщиков, людей около игры, которые сами не играют, но абстрактно-теоретически все про игру «знают». Современные средства связи и телекоммуникации позволяют отслеживать, анализировать и комментировать самые разные игры, быть в курсе игровых «раскладов», даже сидя далеко от игрового поля. В Беларуси много образованной интеллигенции, которая следит за политикой и геополитическими играми с позиции болельщиков и комментаторов, не принимая никакого участия в самой игре. Такие «компетентные» знатоки игры иронично относятся к политическим действиям БНФ и его лидера Пазыняка, снисходительно или зло подтрунивая над попытками Фронта включиться в европейские процессы, где играют такие гранды, как Германия, Франция, Россия. Я же с уважением отношусь к Пазыняку, поскольку он единственный (из тех, кто на виду) в этой стране пытается играть самостоятельно и играть в Беларусь. Не стреляйте в пианиста, он играет как умеет. Кто может играть лучше, выходите на «поле». Кебич даже не пытался играть всерьез: заигрывание и попытка встроиться в российскую команду — это не игра. Лукашенко — игрок непредсказуемый, но играет индивидуально, без команды, кроме того, у него нет «школы» и «техники». Первый раунд внутри страны он выиграл как новичок, через непредсказуемость и симпатии зрителей. Дальнейшее зависит не только от него, — президентов, как и королей, играют «свиты» и команды.

«Квалификационная игра» Республики Беларусь за выход в «европейскую лигу» еще только началась. Было бы обидно, если бы она закончилась безрезультатно, как было с Белорусской Народной Республикой, или привела бы к «дисквалификации», как в случае Великого княжества Литовского в «команде» с Речью Посполитой. Союзников и партнеров нужно выбирать с перспективой на выигрыш. Есть ли такая перспектива у «команды» СНГ? Это еще необходимо проанализировать.

Кроме того, некоторые «советчики» в Беларуси склонны воспринимать СНГ как самостоятельную «лигу» или «федерацию», а не как сборную команду (при этом собранную в спешке и плохо «сыгранную») для участия в европейском «чемпионате». Если игроки будут слушать таких «советчиков» — Беларусь навсегда останется «дворовой» командой, о которой в Европе никто не будет знать. Беларуси предложено играть в «европейской лиге». Неужели мы откажемся и предпочтем «забивать козла» в дворике по адресу «не дом и не улица...»?

3 сентября 1994 года, газета «Известия», статья «Страна огурцов». Стыдно, но какова игра, такова и критика.

Такой «хоккей» — нам не нужен.

Доктрина Монро и план Маршалла — две региональные политические стратегии США разделены целой эпохой. Америка для американцев — анахронизм XIX века. Доктрина Монро на многие десятилетия затормозила развитие государств на Американском континенте. Она предполагала только одного самостоятельного игрока в американском регионе — США, всем остальным предлагалась гонка за лидером, игра в модернизацию. Вся Латинская Америка до сих пор пребывает в разряде «развивающихся» стран. Скоро сто лет, как развиваются, а все никак не разовьются.

План Маршалла в европейском регионе имел совершенно другие последствия. Уже через полтора десятилетия Западная Европа восстановила разрушенное войной хозяйство и нормализовала жизнь и деятельность людей. Даже побежденная, разрушенная и разделенная на части Германия не позволила бы навязать себе такие рамки и правила игры, как в доктрине Монро, не говоря уже о членах выигравшей войну коалиции. Нужно правильно выбирать рамки и правила игры. Есть игры, в которые невозможно выиграть, и есть такие, в которых может выиграть каждый участник (если будет играть правильно).

Беларусь не имеет доктрины развития. Без доктрины развития завтра нельзя будет существовать в окружении развитых (не «развивающихся») стран Восточной Европы. Без нее сегодня очень трудно. Она нужна была еще вчера. Без доктрины развития нельзя провести даже самой маленькой реформы, даже замена милицейской формы становится грабежом налогоплательщиков. Без доктрины, без рамок, вне перспективы развития реформы накладываются друг на друга, мешают друг другу, это не реформы, а бадзян-не без усялякай мэты.

Со времен унии Великого княжества Литовского с Польшей, когда была организована федерация Речи Посполитой, формально состоявшая из двух частей — Короны и Великого княжества, — беларусы ни разу в истории не играли самостоятельных игр. Став однажды «младшим братом», наш народ сохраняет этот комплекс до сих пор. Сменился «старший брат», а «младший» так и не собирается взрослеть, не собирается сам вести свою игру, отвечать за свои действия. Находясь в составе Российской империи, Советского Союза, Беларусь если и предпринимала какие-то действия самостоятельно, то всегда вторичные, «вистуя» с кем-нибудь «за компанию». На вистах много не выиграешь.

Я не могу припомнить случая, когда Беларусь первой предприняла бы какие-нибудь действия, сделала первый ход. Копируя ходы партнера, нельзя выиграть даже в шахматы или поддавки.

Когда Шушкевич подписал на своей территории Беловежские соглашения, сделал едва ли не первый и единственный шаг без оглядки на «вышестоящие инстанции» (да и то разделив ответственность с лидерами двух соседних государств), Беларусь была шокирована такой дерзостью. Ему так и не простили этого.

Штаб-квартиру СНГ разместили в Минске именно с учетом этой хрони-

ческой несамостоятельности. Киев слишком самостийен, а в Москве располагать такой орган неприлично.

Вистующему игроку «сбросили карты».

Тому, кто не умеет играть, не может выпасть хороший прикуп, не идет хорошая карта. Пора заказывать свою игру.

Беларусь — суверенная страна, точнее страна, обладающая всеми формальными признаками суверенности. Высшая власть в суверенной стране принадлежит народу этой страны. Народ посредством институтов современного государства управляет своей страной, являясь ее единственным хозяином. Если народ не располагает в своей стране необходимыми институтами и структурами реализации права быть хозяином — эти институты необходимо создать. Через эти институты народ формулирует свои суверенные интересы, осознает их и защищает.

В Беларуси накопился ворох нерешенных проблем. Эти проблемы наши и только наши, нам их решать. Решение этих, своих собственных проблем в комплексе с условиями функционирования хозяйства и жизни общества составляют основу белорусских интересов в мировом разделении труда, в международной политике. На базе учета этих интересов, делающих Беларусь не похожей на соседние и дальние государства, должна строиться внутренняя и внешняя политика, программы развития страны и позиция ее в межгосударственных альянсах и кооперациях.

Интересы страны, ее народа и государства разные политические партии и движения могут видеть по-разному. Необходимы институты и инструменты согласования разных точек зрения, разных подходов. Необходим механизм достижения компромиссов и национального согласия. Расхождение во взглядах, подходах и ориентациях всегда были (не хочется вспоминать басни тех времен, когда «весь советский народ, как один...», «в одном строю...», «по одну сторону баррикад...» и т. д.), есть и останутся. Но народ, как суверен в своей стране, действует через институт государственной власти, который только один в стране, двух быть не должно. А государство, как единый субъект, может действовать только имея один план, одну стратегию, одну доктрину, — по крайней мере, на сколь-нибудь осмысленный срок.

(Хотя Воланд, безусловно, прав: как можно управлять, не имея плана на какой-нибудь смехотворно малый срок, скажем, в тысячу лет? Конституции могут меняться, но пишутся они всякий раз навсегда. А «навсегда», если я правильно понимаю это слово, несколько больше, чем тысяча лет. В Конституции записано: «Республика Беларусь — суверенное государство ...». Но никакая конституция не может гласить: «Республика X суверенна на срок N лет». Конституционное требование сохранения государством самого себя на вечные времена является рамкой для всех планов и программ, рассчитанных на определенный срок.)

Может быть, я слишком придирчив, но я не встречал ни разу формулировки собственных интересов Беларуси, которые не страдали бы пустой декларативностью, партийной однобокостью или идеологической ветхостью. Белорусское государство до сих пор не являлось инструментом защиты интересов суверенного народа. Если БССР можно рассматривать как некий рудимент государства, то оно являлось инструментом насилия и подавления одной частью народа другой, в полном соответствии с классовой моделью и парадигмой государства, разработанной большевиками. Таким оставалось и государство РБ все три года после провозглашения суверенитета. Опыта и институтов обеспечения суверенности своих собственных интересов (хотя бы в рефлексии, не говоря уже о деятельности, политике и игре) белорусское государство не имеет. Построить такие институты в ситуации постмодернизма, в современном интегрирующемся и кооперирующемся открытом мире неизмеримо сложнее, чем в ситуации прошлого века. Сегодня никто не имеет такого опыта. Интегрирующаяся Европа только нарабатывает такой пионерский опыт. Было бы резонно делать это вместе с ней. Но здесь есть сложности. Все нужно делать вовремя. Суверенитет государства и народа — дело прошлого века, учиться его реализовывать нужно было давно, а сегодня задача усложнилась. Конечно, это усложнение нужно принимать в расчет только в том случае, если Беларусь европейская страна; если она по-прежнему «союзная республика», об этом думать не надо. Речь идет о современных ограничениях на суверенитет государства.

Суверенитет современных государств ограничен с двух сторон.

С одной стороны, государства делегируют часть своих суверенных прав и полномочий надгосударственным институтам. По поводу определения этой части суверенных прав, которую можно отдать межгосударственным институтам, нет никакой определенности. Это предмет длительных дискуссий и временных компромиссов. Европарламент Европейского Сообщества и его исполнительные органы, а также органы СНГ — два наиболее ярких примера таких ограничителей суверенности государств. Но если Европа об этом думает, проблематизирует и рефлектирует, то про страны бывшего СССР этого сказать нельзя. А уж «вистующая» Беларусь в рамках СНГ просто всегда и во всем следует в фарватере России или молча присоединяется к большинству. Ограничение суверенитета — это всегда самоограничение. По отношению к Беларуси приходится говорить о том, что у нее ровно столько суверенитета, сколько ей позволяют иметь Россия и СНГ. Мышление в такой стране есть вызов общественному мнению и уголовно наказуемое действие. Пусть Россия думает, она большая — а «вистующая» Беларусь будет послушной, будет сбрасывать свои козыри на каждый ход игрока.

С другой стороны, суверенитет современного государства ограничен суверенитетом личности человека. Советский Союз несколько десятилетий отбивался от проблемы прав человека, рассматривая обсуждение этой проблемы как посягательство на свой суверенитет и на идеологическую монолитность. «И это правильно» — как говорил его первый и последний прези-

дент. Права человека действительно ограничивают суверенитет государства, нации и любого коллективного субъекта, разрушают любую идеологию. Это справедливо не только для Советского Союза, но для любого современного государства. Исламский фундаментализм, идеи чужде, радикализация коммунизма, всплеск национализма — разные формы протеста традиционализма и коллективизма против доминирования проблематики прав человека в эпоху постмодернизма.

Жить в обществе и быть свободным от общества — нельзя. Под этой максимой марксизма и социализма подпишется любой националист и традиционалист в Иране, Ираке, Северной Корее, Латвии или Беларуси. А с принятием идеи прав человека — оказывается можно. Можно жить в обществе, а можно не жить. Можно жить в обществе и быть свободным от него.

Поэтом можешь ты не быть, и гражданином — не обязан.

Человек имеет право свободно выбирать гражданство, профессию, конфессию, класс, национальность и даже пол. Последнее может показаться перегибом. Для себя лично я не могу понять желания поменять пол — но кто сказал, что я должен понимать все. Если кто-то понимает это и имеет такое желание, я признаю его право на это.

Шесть поколений назад моих предков заставили быть православными, ликвидировав униатство в Беларуси. Пять поколений семья была православной, а теперь в ней есть атеисты, баптисты и католики. И все имеют на это право, они свободны выбирать конфессию сами.

«И это правильно».

Михаил Сергеевич не является изобретателем «нового мышления», он открыл его лично для себя и в восторге от этого открытия написал книгу.

Однажды ректор одного из университетов на территории бывшего СССР, профессор физики, вернувшись из зарубежной поездки, делился на лекции своим личным открытием. Оказывается, Бог — это идея, а не категория науки физики, поэтому научным физическим экспериментом нельзя ни доказать, ни опровергнуть «этой гипотезы». Поэтому атеизм не присуждается одновременно с дипломом об окончании естественнонаучного факультета университета. Он перестал смотреть на верующих как на людей, не знающих физики. Потрясающе!

Права гражданина на труд, на жилище и т. д. нельзя понимать как обязанность человека трудиться или жить в отдельной квартире, иначе такие «права» будут нарушением прав человека. Человек может не работать и жить под мостом, если он этого хочет. Человек может быть православным, беларусом, славянином, пролетарием, если он этого хочет, его права на это должны быть обеспечены. Он может не быть всем этим, если он этого не хочет, и его права на это также должны быть обеспечены. Такое личное открытие еще многим предстоит сделать в Беларуси, чтобы научиться жить в современном мире.

Чтобы обрести «новое мышление», не обязательно читать книгу Горбачева, не обязательно изобретать его самому. Нужно просто быть самим собой и позволить другим отличаться от себя так сильно, как этим другим этого захочется. Бог не есть категория физики, но физика не может судить обо всем мироустройстве. Нация и национальность тоже всего-навсего идеи. Быть беларусом — значит иметь о себе такую идею и мыслить себя таковым. Можно ли мыслить себя беларусом, если идея беларуса производна от идеи Беларуси, а последняя не сформулирована, не промыслена. Можно ли мыслить себя беларусом, если идея беларуса производна от идеи человека, а последняя в Беларуси не сформулирована ни в сфере права, ни в сфере человеческих отношений.

О, сколько нам открытий личных предстоит сделать, думая Беларусь и играя в нее.

Подкрепленная авторитетом Шекспира, Пушкина и многих других, бальность о том, что вся жизнь игра, известна всем. Но, как Шекспир, заявляя, что вся жизнь — театр и люди в нем — актеры, смотрел на игру жизни однобоко, так и многие понимают игру очень узко. Иоахим Хейзинга в книге «HOMO LUDENS» рассматривает широчайший спектр разнообразных игр, в который может быть упаковано любое человеческое проявление. От «Игры в бисер» Германа Гессе до психологических игр Эрика Берна — дистанция огромного размера, куда укладываются штабные игры военачальников и детские «классики», к тому же названные образцы не являются полюсами. По обе стороны от Гессе и Берна располагаются многочисленные неописанные игры.

Жизнь и деятельность не только огромная шекспировская сцена, где люди в ролях разыгрывают комедии и трагедии, но еще и театр военных действий, и «русская рулетка», и шахматная доска, на которой можно сыграть в поддавки и крестики-нолики. Каждый может выбрать себе игру по вкусу, по способностям и потребностям. Бобби Фишер, побеждая всех на шахматной доске, проигрывает в социально-политических играх, разворачивающихся вокруг шахмат. Ласкер обыгрывает соперников психологически, Капабланка — изящными комбинациями, Алехин — строгим расчетом, а Макс Эйве становится чемпионом через «везение».

Jedem das seine.

Кое-что о роли магнитной доски, комментаторов и шахматных журналов в развитии шахматного мышления и самой игры.

Чемпионы — герои и звезды. За их игрой, за их судьбой следят многочисленные болельщики и любители шахмат. Но есть особая категория людей в шахматном мире. Во время шахматного матча эти люди находятся не в зрительном зале, где идет живая игра, а сидят в соседней комнате, где висит магнитная доска. На магнитной доске отображаются сразу две игры: одна, которую играют в матче звезды из соседнего зала, и другая, которую разыгрывают шахматные теоретики, тренеры и другие адепты шахмат. Обе игры развиваются своим чередом. В первой игре делаются гениальные и ошибоч-

ные ходы, кипят страсти, падают в цейтноте флажки, победителей награждают призами, а проигравший плачет. Во второй спокойно переставляют фигуры, «смакуют» оригинальные находки, разбирают по косточкам сомнительные «жертвы», крутят игровое время вперед и назад. Над шахматными адептами у магнитной доски нет «домоклова флажка» цейтнота, им «не светят» лавры чемпионов, им не свойствен азарт борьбы, риск и пафос победы. Их выигрыш — это развитие шахматной игры. Это они потом опишут правильные и неправильные дебютные стратегии, выведут все мыслимые следствия и развороты комбинаций в миттельшпиле и эндшпиле. Без них не было бы развития и совершенствования игры, без них и без магнитной доски каждое новое поколение шахматистов вынуждено было бы повторять все ошибки своих предшественников.

В «живой» шахматной игре есть одно правило, которое один юный адепт формулирует так: потрогал — женись, т. е. взялся за фигуру — делай ход, сделанный ход назад не переигрывается. На магнитной доске это правило недействительно. Там только тем и занимаются, что переигрывают каждый ход по много раз. Это дает возможность составить реестр ошибок и проигрышных стратегий. Пока шахматист в матче строит планы и комбинации, сделав очередной ход, на магнитной доске успевают просчитать и доказать, что данный ход ведет к поражению, а не к победе. Когда партия откладывается, участник матча, познакомившись с параллельной игрой на магнитной доске, признает свое поражение, не вскрывая конверта с записанным ходом.

Каждая из игр, разыгрываемых в культуре, должна быть обеспечена своей магнитной доской, вокруг магнитной доски должны собираться анализирующие игру адепты, чтобы потом печатать свои аналитики и выводы в журналах игры. Без этого игры не могут совершенствоваться и развиваться.

Магнитная доска есть средство обнаружения ошибок, необратимых и фатальных на матчевой доске. Магнитная доска, как и бумага, — все стерпит. Чем больше ошибок проигрывается на магнитной доске, тем меньше их в матчах и турнирах. Шахматные открытия и находки чаще делаются в матчах и турнирах, но без магнитной доски они не могут стать достоянием всех шахматистов.

Если бы все социальные и деятельностные игры проигрывались на своих магнитных досках, мир был бы, может быть, не таким пафосным и героическим, но более человечным и разумным.

Социализм на магнитной доске красив и увлекателен, а в реализации убог и трагичен. Пусть бы он и оставался на магнитной доске.

Очень многие проекты, программы и стратегии оставались бы в архивах, если бы сначала были проиграны «без часов», неумолимо отстукивающих время. Каждое правительство, любой деятель имеют свой «флажок», живут в цейтноте. Но только самые умные правительства понимают необхо-

димось организации и финансирования команд, сидящих в задумчивости у магнитной доски. Глупые правительства обходят стороной места, где висит такая доска, не читают «шахматных» журналов. Поэтому их «флажки» падают задолго до того, как они заметят цейтнот. Это относится не только к правительствам, но и к государствам. «Флажок» Советского Союза упал в декабре 1991 года, но висел почти десять лет.

Надо ж было глянуть на часы.

Спадары, ланове, господа политики, гляньте на часы, переведите глаза на доску, уже цейтнот, но время еще есть.

История о том, как Евгений Липкович заочно обыгрывал Ивана Антоновича.

Иван Иванович Антонович — главный идеолог Республики Беларусь — был одним из главных игроков в команде Вячеслава Кебича. Увешанный всеми возможными научными, бюрократическими и политическими регалиями нашего времени, он не имел себе равных по рейтингу в нашей стране. Ему был доступен любой эфир, любые газеты, в его распоряжении была вся политология и другие общественные науки Беларуси. Никто не осмеливался бросить ему открытый вызов, кроме независимого публициста Евгения Липковича, который заявил, что он играет в предвыборную кампанию за «молодую» команду налогоплательщиков и избирателей. И. Антонович не обращал внимания на выпады Е. Липковича, он еще как-то интересовался звездами: Пазыняком, Шушкевичем и, особенно, Лукашенко. Но обращать внимание на какого-то независимого эксперта...

Между тем Е. Липкович играл раскованно, свободно и современно. Это было забавное зрелище. Правда, только для тех, кто время от времени посматривал на магнитную доску. Делать это было трудно, поскольку магнитная доска политических игр в Беларуси настолько крохотная, что вмещается в брючный карман Липковича. Но если бы в Беларуси был хороший журнал по этой игре, с доски Липковича можно было бы считать много полезного и учительного.

У И. Антоновича есть (была) техника игры, «чутье» и много чего другого, необходимого для игры. Но он забыл поинтересоваться, в какие игры нынче играют и как в них играть. Если провести аналогию с шахматами, то все выглядело так, будто он пытался переставлять фигуры за двух игроков сам (я не знаю, кто придумал «знаменитую стюардессу» и писал в газеты письма белорусских крестьян с признаниями любви к Кебичу, но, кажется, И. Антонович принимал их за «чистую монету», за ходы настоящих партнеров по игре). Ивану Ивановичу уже виделась заключительная комбинация с красивым выходом в ферзи, но 23 июня «флажок» упал. Липкович выиграл.

(Если кто-то думает, что победил не Липкович, а некто другой, — он ошибается. Нужно смотреть на магнитную доску. В конце концов, шахматы —

только аналогия. В игру, о которой идет речь, играют не два партнера, а много разных команд. Команда Липковича — налогоплательщики и избиратели — пока разыграли только дебют, все еще впереди. Хотя победной комбинации еще не видно.)

Нет нужды учить игроков играть — пусть отдуваются сами, раз ввязались в игру, не зная правил и содержания самой игры. Нужно совершенствовать саму игру, чтобы в Беларуси играли на современном уровне.

Игра, о которой идет речь в этом разделе текста, есть игра на особой магнитной доске. Игроков в такую игру в Беларуси достаточно, нет только самой магнитной доски, нет пространства, где ее можно разместить. Таким пространством и такой магнитной доской должен стать журнал «Культурная политика».